

Ксения Кривошеина
ПУТИ ГОСПОДНИ

Ксения Кривошеина

Пути Господни

Православное издательство "Сатись"

2011

Кривошеина К. И.

Пути Господни / К. И. Кривошеина — Православное
издательство "Сатись", 2011

ISBN 978-5-7868-0059

Мемуары писателя, художника, публициста, видного деятеля французского Православия Ксении Кривошеиной. Автор расскажет о своем детстве, матери, няне, встрече с мужем, паломничестве в Дивеево и т. п. Но эта книга выходит их рамок чистой автобиографии: читатель найдет здесь замечательные рассказы о православном Париже, "Православном Деле", Сопротивлении, Владыке Василии (Кривошеине), вере в условиях гонений и эмиграции, в постсоветский период. И главное – во всем этом автор пытается увидеть руку Божью, не свои пути, а "Пути Господни". По благословению митрополита Санкт–Петербургского и Ладожского Владимира Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви

ISBN 978-5-7868-0059

© Кривошеина К. И., 2011
© Православное издательство
"Сатись", 2011

Содержание

Введение	6
Рождество	8
Семья	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Ксения Кривошеина Пути Господни

*По благословению
митрополита Санкт-Петербургского и Ладужского
Владимира*

*Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви*

В книге использованы фотографии из личного архива автора.
Фото на обложке – Н.И. Кривошеин

Введение

Я отталкиваюсь от земли, а парю над лугами, я не чувствую своего тела, потом я набираю скорость и взлетаю ещё выше, передо мной дивные поля с цветами, вдали горы, снеговые вершины, я спускаюсь ниже и вижу под собой реку. Меня обдувает тёплый ветер с ароматом цветов, только бы не упасть, нужно долететь до дальнего леса и там развернуться. Пора домой, меня ждут, я вижу как мой муж Никита, сын Иван и моя мама собирают на стол, готовится праздничный ужин. Солнце медленно садится, а на горизонте оно становится почти красным шаром, значит, завтра будет ветрено, я замедляю скорость, снижаюсь... и просыпаюсь.

Давненько я уже не летаю во сне, но, каждый раз испытал это состояние, я просыпалась наполненная счастьем! Не всегда у меня выходило так нежно планировать, бывало, что падала под откос, в пропасть, цеплялась за камни и душа замирала от страха, тогда просыпаешься в мокром поту и судорожно пытаешься объяснить сон. К чему бы это? Но однажды со мной произошло совсем другое.

Существует мнение, что наш сон есть мимолётное прикосновение к выходу души из тела, некая «малая смерть». Ведь во сне мы не чувствуем своей плоти и наше сознание отключено. Кстати, сильные депрессии и шизофрению лечат не только гипнозом, но и погружением в глубокий сон. Клиническую смерть, которую я пережила в 20 лет, невозможно сравнить ни с чем. Сразу осмыслить происходящее нельзя, состояние в котором пребывает душа и тело не похоже ни на счастливый сон, ни на страшный. Прошло почти сорок лет, а воспоминания у меня чёткие, будто случилось это вчера. Выход моей души из телесной оболочки я ощутила довольно быстро, я смотрела на себя сверху, моё тело лежало на операционном столе, а сама я плавала под потолком. Каждая деталь, движения врачей, их голоса, разговоры имели особенную чёткость, похожую на наводку фокуса в фотоаппарате. Мне казалось странным, что они не видят меня, а копаются в моём животе, я даже хотела как-то обратить на себя внимание. Спустилась к ним поближе, услышала их панические разговоры, всё их внимание было обращено к моему телу. «Ау! Я здесь!» – прокричала я, но никто меня не услышал. Я рассердилась и вдруг почувствовала, как моя бестелесность наполняется неведомой силой и влетает в ярко освещённый коридор, а я или не я, но, видимо, моя душа превратилась в гладкий, полированный металлический шар, размером с теннисный мячик, который мчался с невиданной скоростью по туннелю и мне хотелось зажмурить глаза от слепящего бело-яркого света, совершенно не понятно, откуда исходящего. Сила, толкавшая меня вперёд была сверхъестественной. От белого сияния не было спасения (глаза зажмурить не удавалось!), вокруг меня стали возникать знакомые, как бы стёртые полу лица, голоса зазывали вперёд. Потом развилка, я забираю вправо, свет постепенно съёживается, проступают тени, словно повеяло подвальной сыростью, моё движение замедляется, и впереди, в конце туннеля я вижу поворот, а за ним темень, и неведомый голос говорит мне: «Не иди дальше, иначе ты не сможешь вернуться, подумай, у тебя есть выбор ещё несколько мгновений и назад дороги не будет...» Я – шар, зависаю в воздухе, моя душа наполняется сомнением, кажется, что ты не подвластен себе, сколько минут длиться это борьба, трудно сказать, всё исчисляется светосекундами, но вдруг, совершенно непонятно почему, я начинаю вдувать себе «вернись, не ходи дальше, там впереди смерть, вечность...» и как ядро из пушки я вылетаю назад.

Меня бьют по щекам, я окружена медсёстрами, они в панике что-то говорят, в их руках шприцы, кислородные подушки, а ноги и руки мои привязаны к кровати. До сих пор не понимаю почему? Это уже не сон, не смерть, не другой мир, а первый Медицинский институт. Ура! Путешествие за кромку жизни закончилось благополучно.

Далеко не сразу я поняла, что со мной произошло. Прошло с тех пор много лет и первый человек, который услышал мою историю и объяснил мне, где я побывала, был мой муж

Никита. До этого я не рассказывала никому об этом. Во-первых мне было трудно выразить словами случившееся со мной, я долгое время жила под шоком, а потом боялась, что не поверят. После клинической смерти я стала видеть сны каждую ночь. Одно время даже записывала. Странно, но с возрастом интересных снов стало меньше, зато всё чаще мысленно возвращаюсь к прошлому, семье, друзьям, многих уж нет в живых, вспоминаю пейзажи, особенно новгородские, которые меня напитали покоем и красотой... и ещё многое другое, что подвластно только нашей памяти и времени. После пережитой клинической смерти у меня появилось как бы подтверждение, что помимо нашей физической оболочки есть и бестелесная душа. Я поняла, что человеку необходимо совершенствовать свою душу и ухаживать за ней как за садом. Какими прекрасными цветами и деревьями мы засадим свою душу – сад, так и будем жить, только от нас зависит станет ли он Раем или адом, будем ли мы верить в Бога или в тёмные силы зла....

Причины, следствия и последствия нашей жизни не всегда нам понятны, проанализировать их, а следовательно как говорят в жизни «на ошибках учиться» дано не всем. Есть люди, которым опыт свой и чужой совершенно не в обогащение, им нужно много раз разбить лоб, упасть в яму, полезть на рожон, а в результате так ничего и не понять. Считается, что мы формируемся рано, и в первые годы жизни родители играют фундаментальную роль в нашем самосознании. Можно ли обрести полноту личности посредством обрубания семейных корней, традиций или забвения? Что может наполнить нашу душу и сердце? Как сохранить добро и тепло? Что есть вера в Бога и как пронести её через все искушения и не потерять? Советы давать легко, но каждый находит для себя свой путь....

Известно, что путешествия – это хороший рецепт от одиночества, подпитка души, общение с миром и взросление; в передвижении есть и умиротворение, а любопытство есть надёжный двигатель молодости и познания. Наши предки уезжали в кругосветные путешествия на несколько лет, тогда не было самолётов и знакомство с миром затягивалось. Может, эта непоспешность имела смысл, молодой человек возвращался домой возмужавшим. Сегодня мы совершаем как бы набег на памятники, не всегда можем промедлить свой шаг, вникнуть, дослушать и досмотреть до конца... ровно также как и прошлое, которое может быть столь же увлекательным познанием времён.

У святителя Августина есть прекрасное объяснение времени. Время, говорит он, лишь длительность, у которой есть прошлое, настоящее и будущее. Прошлое уже было – его нет; будущее будет, и его нет, а что же есть? Есть настоящее, но и его почти нет, оно – точка соприкосновения между прошлым и будущим, в которой будущее постоянно переходит в прошлое. Святого Августина называют первооткрывателем времени. С невероятной глубиной вглядывается отец Церкви в тайну того, что уже было, чего ещё нет, и что в настоящем своём неуловимо.

Человек неразрывно связан со временем, живет во времени, во времени раскрывается его историчность, а в историчности – богообразность в неповторимости.

Я прожила полжизни в России и пол жизни во Франции, и, как говорил святитель Иоанн Златоуст, «пришла пора сокрушиться своим сердцем, исчислить время твоей жизни и сказать самому себе: дни бегут и проходят; годы оканчиваются; много пути нашего мы уже совершили; а что мы сделали доброго?»

Вот поэтому и я решаюсь поделиться здесь своими наблюдениями, вспомнить кое, что из детства, рассказать о том как жили наши родители, что им удалось сберечь вопреки всему и передать уже в эмиграции детям и внукам... Кто были эти люди? И почему они всю жизнь, несмотря ни на что, верили в возвращение на родину и в будущее России.

Итак, дорогой читатель, сейчас я возьму тебя за руку и мы вместе, преодолевая время, пересечём границы прошлого, настоящего и будущего.

Рождество

*Хранитель милых чувств и прошлых наслаждений,
О ты, певцу дубрав давно знакомый Гений,
Воспоминание, рисуй передо мной
Вошебные места, где я живу душой,
Леса, где я любил, где чувство развивалось,
Где с первой юностью младенчество сливалось
И где, взлелеянный природой и мечтой,
Я знал поэзию, весёлость и покой.*

А. С. Пушкин. «Царское Село»

Состояние ожидания праздника, трепет душевный, радостный холодок от приближающихся дней, наполненных гостями, вкусностями, подарками и ещё кучей всяческих таинственных сюрпризов, начинался уже в начале декабря.

А фольгу от шоколадных конфет мы распрямляли с помощью столовой ложки и вкладывали в страницы книг, до начала Поста. Она предназначалась для мандаринов и грецких орехов, которые мы заворачивали в неё, продевали иголкой нитку и потом развешивали на ёлке. Мандариновый запах приближался с каждым днём, а ещё запах яблок, которые отец покупал в деревянных ящиках, где, золотые и ароматные, они лежали в тонкой кружевной стружке, и напоминали припороженных девочек в кружевных воротничках. На ящиках были наклейки «Солнце», «Золотой ранет», «Шестой номер». Яблоки были разного сорта, размера и цвета. Отец приносил эти ящики задолго до Рождества и мама держала их на полках между дверьми, где было достаточно прохладно, там же наверху, почти под потолком, стояли банки с вареньем, но это те, которые мама и няня берегли для праздника. Однажды Петя не удержался,

и, когда никого не было дома, подставил табуретку и потянулся к одной из банок. Трудно было удержаться перед соблазном, клубничное и айвовое варенье зачаровывали не только его, но и моё воображение, которое рисовало хрустальные розе-точки, наполненные этими лакомствами. Петя потянулся, но сумел ухватиться только за тонкую верёвочку, которой было обвязано широкое горлышко банки... и она всей своей трёхлитровой тяжестью рухнула на него. Наверное, он страшно ревел, потому что в дверь стала стучать и звонить соседка по площадке, которая случайно оказалась дома. Петя открыл ей дверь и та увидела зарёванную физиономию с огромной синей шишкой на лбу. Удивительно, но банка с вареньем не разбилась! Родители Петю не ругали, а наоборот, смеялись, отчего ему стало ещё стыднее за его тайные покушения на рождественские запасы, да ещё во время Поста.

Вместе с мамой и няней мы задолго до праздника начинали лепить пельмени, начинка была разная, обычно из трёх сортов мяса (свинина, говядина, баранина), считалось, что от этого они сочнее. Уже в начале декабря стояли морозы, а потому, пересыпав пельмени мукой, мы выкладывали их рядами в картонные коробки и выставляли на балкон. Мама, которая выросла на Камчатке, замечательно умела мариновать горбушу, пересыпала большие свежие ломти рыбы укропом и крупной солью, окутывала в льняное полотенце и тоже выносила на холод. Обязательным угощением были у нас в доме и пироги с визигой. Не знаю, есть ли она сейчас, но тогда ни один рождественский стол не обходился без этих пирогов. К ним, конечно, добавлялся и жареный гусь, начинённый капустой и яблоками, или большой свиной окорок с брусничным вареньем. Иногда в духовке томился фазан, а к нему тушилась свёкла с брусникой или клюквой. Всё это готовилось из расчёта не только на семейный рождественский кружок, а и на все последующие дни, когда приходили друзья с детьми и обязательно уносили с собой не только подарки, но и кусочки наших пирогов с визигой и яблоками. Я не помню, чтобы в Рождество за столом, взрослые много выпивали, веселье было не от похмелья, а от радости что все мы вместе, за нашим семейным столом, в такую дивную волшебную Рождественскую ночь. Да, конечно, была и водочка в графинах, и белое и красное вино, (шампанское у нас пили на Новый год), наливки, портвейны и сладкие морсы для детей. Нам с Петей разрешали сидеть со всеми, пока мы не засыпали в ожидании Деда Мороза с подарками, хотелось подсмотреть – настоящий ли он или, как мы подозревали, переодетый папа.

На первый день Рождества всегда приходило много гостей, дети одевались в костюмы, нянечка помогала им гримироваться, заплетала косы, приделывала какие-то немислимые лисьи и волчьи хвосты и уши, бороды из ваты, кокошники из цветной бумаги и блёсток, – и начиналось представление!

Надо сказать, что наша няня была большой мастерицей. Она замечательно шила и вышивала, а ещё делала искусственные цветы из гофрированной бумаги. Причём, все цветы были разные: розы, анютины глазки, маки, колокольчики, ромашки... из них она плела очень красивые венки для украшения наших танцевальных номеров.

Елочные свечи всегда были под особым надзором, за ними наблюдали все. Ведь ёлка, большая, до потолка, украшенная шарами, бумажными гирляндами, игрушками (ещё аж от нашей бабушки) и кусочками вполне возгораемой ваты, могла, не дай Бог, вспыхнуть!

После праздника всем гостям раздавались маленькие подарочки, которые мы заранее готовили своими руками. С помощью мамы и няни задолго до праздника, мы шили маленькие красные мешочки из кусочков бархата или атласного шелка, нашивали на них блёстки и бисер и наполняли мандаринами, орехами и шоколадками. Туда же мы вкладывали именные открытки со стихами или двумя милыми строчками. Помню однажды, как няня написала нашей подруге, которая всегда смущалась и была очень застенчивой: «Роза вянет от мороза, Ваша прелесть – никогда!» Девочка эта была так рада! Прыгала от восторга и всем показывала открытку.

Календарный Новый год у нас в семье «отмечали», но достаточно скромно, для нас детей он проходил незамеченным, родители шли на молебен в храм, а потом в полночь выпивали бокал шампанского и то наша няня ворчала «ещё Пост, а вы себе такое позволяете».

Все эти недели Поста, вплоть до Сочельника, наша квартира наполнялась вкусными запахами. Они менялись каждый день, и суета вокруг закупок, и особое приготовление каждого заранее продуманного блюда создавало для нас, детей, чувство причастности к чему-то особенно радостному и долгожданному. Наши вечера по мере приближения праздника удлинялись и нам разрешалось идти спать позднее обычного потому, что каждый из нас разучивал или стишок, или песенку, а иногда и маленькую пьеску, в которой были задействованы взрослые. И здесь мастерицей на всякие шарады и загадки была наша няня. Она помнила их уйму.

С детства нас приучали к церкви, к литургии, к вечерним службам. Конечно, особенно строго в семье соблюдали все недели Великого Поста, но в отношении нас, маленьких, были кое-какие поблажки, снисхождения. Я хорошо помню, что строгость была, но это никак не пугало нас, детей. Наш священник, настоятель нашего храма, был для нас чем-то совершенно «своим», доступным, соединённым со всем укладом нашей жизни. Родители, когда мы были совсем маленькими, так устраивали, что мы не мешали им своей вознёй и плачем в храме, как только мы уставали стоять (а с этим было очень строго) нас уводили в дальние помещения. Обычно в трапезную, где мы помогали накрывать на стол или сидели в сторонке, читали или рисовали. Бывало, что кто-то из прихожан занимался самыми маленькими, читали и разъясняли детские тексты на евангельские сюжеты, но всё это было соразмерено с возрастом каждого. Помню как однажды отец Николай подозвал меня и сказал: «Тебе исполнилось 7 лет и ты должна перед Причастием обязательно исповедоваться. Ты ведь уже вполне знаешь, что плохо и что хорошо». Я почему-то испугалась и заплакала! А вдруг, я не смогу исповедоваться и как нужно «распознать» свои дурные поступки? Но батюшка меня успокоил и сказал: «Вот увидишь, всё у тебя получится, ты только задумайся, как ты проводишь каждый день, что говоришь своим близким или друзьям, гневаешься ли ты, грубишь...» С тех пор прошло очень много времени, я выросла, стала взрослой, но до сих пор мне требуется огромное усилие перед исповедью, чтобы понять себя, осознать грехи не только на уровне «бытовом» или детском (когда я доводила до слёз мою нянечку), а услышать нащёптывания греховные, собраться с мыслями и со всей строгостью к себе распознать, где я завидовала, плохо думала о людях, мало молилась или недостаточно помогала... и конечно сразу, как только задумаешься над этим, хотя бы над одним таким поступком, наваливается целая лавина, которая в каждодневной жизни как бы затмевается суетой, растворяется в ежеминутных делах и ты не видишь за этим самого себя. Ведь очень трудно постоянно себя контролировать, но если ты живёшь по совести, то конечно в тебе происходят некие зарубки, отметинки твоих грехов. Позднее, уже в юности у меня был маленький опыт посещения монастырей. Это были паломничества на несколько дней. Но именно там, я как-то внезапно поняла, как необходима очистительная исповедь и молитва перед принятием Святых Таинств. Скажу ещё, что до сих пор, мне очень трудно исповедоваться часто, каждую неделю и особенно у незнакомого священника. Может быть это происходит от того, что очень долгое время у нас в семье был один духовный отец, он нас чувствовал и мы дети выросли с ним. Отец Николай обладал замечательным свойством – он никогда никого не принуждал и не ругал. Помню, как в свои пятнадцать-семнадцать лет мне не очень хотелось ходить на ежевоскресные литургии, в моей голове стали возникать разные сомнения, крутиться вопросы, на которые не могла найти ответы и даже не всегда обудить с моей подругой. Уж не знаю как, но отец Николай заметил моё состояние и однажды после вечерней подозвал к себе и сказал: «Если тебе по каким то причинам сейчас трудно бывать в храме, то постарайся дома молиться утром и вечером, читать Евангелие и знай, что я всегда готов с тобой поговорить». У меня словно камень с души упал...

Но вернусь к детству. 6 января – Навечерие или Рождественский Сочельник, был последним днём Рождественского поста, канун Рождества Христова. В этот день мы особенно готовились к наступающему празднику, квартира была наполнена особой праздничной суетой.

Мы, дети, уже знали, что само название Сочельник происходит от слова «сочиво», приготовленное из варёных зёрен риса или пшеницы, которое обычно вкушают только после литургии. Поэтому часть Сочельника 6 января проходила у нас в полном неядении, до первой вечерней «вифлеемской звезды». Пост предрождественский соблюдался у нас до конца вечерни. Однако, ведь служба вечерни соединяется с Литургией, служится утром, поэтому отец Николай нам объяснял, что и постимся мы до того момента, когда в центр храма выносится свеча и перед свечой поется тропарь Рождеству Христову. Те из нас, кто причащались на ночной Литургии, по церковной традиции, вкушают пищу в последний раз не менее, чем за шесть часов до времени Причастия, или примерно до 6 часов вечера. И здесь дело не в конкретном количестве часов, что 6 или 8 часов нужно пропоститься и ни минутой меньше, а в том, что устанавливается некая граница, мера воздержания, которая помогала бы и нам соблюсти меру.

Помню, что не всегда мы, дети, выдерживали эти длинные службы, частенько засыпали. Встретить праздник ночью – конечно, это была особая душевная радость. Таких служб в году очень мало – на Рождество и Пасху, и все эти замечательные особо торжественные службы совершаются ночью.

Как красиво украшался наш храм на Рождество, всюду еловые ветви, живые красные и белые цветы и в воздухе стоит особый запах, смесь жасминного ладана с лесом, елью, медовых свечей и таинственная полутьма, перед тем как всё засияет светом и торжественным песнопением «Воскресение Твое, Христе Спасе, ангелы поют на небесе...» и весь храм подхватывает!

По мере взросления после Рождественской Литургии у меня оставалось чувство, которое как-бы не хотелось расплескать, хотелось надолго сохранить духовную радость. Наша нянечка была человеком очень набожным и почти всегда оставалась на разговление в храме. Помню, как она объясняла, как бы извиняясь перед нами, «не могу я после длинного Поста, только что причастившись на Литургии, окунуться в ваше семейное застолье, пир и смех». Но надо сказать, что это с ней было не каждый год. Почему она делала такие антракты в соблюдении строгости, объяснений толковых от неё было не добиться. Мама нам говорила, что есть такие люди, особенно подвижники, аскеты, монахи, богато наделенные благодатными дарами Божиими, что за шумным торжеством они теряет благодатный настрой. Для них внешняя часть второстепенна. Но как нам, простым мирянам, распознать и провести такую четкую грань между духовным и земным, между состоянием в котором пребывают аскеты и мы грешные? Повредит ли человек своему молитвенному состоянию если он вместе со всеми разделит семейную радостную трапезу после Литургии? На этот вопрос я получила ответ гораздо позже, когда поняла, что состояние созерцания, молитвенности всегда связано с приливом духовной радости, благодати, которую Господь щедро изливает на своих рабов. Но мы не можем себя сравнивать с монахами аскетами, с нас и спрос другой, а потому демонстративный отказ от общего радостного семейного застолья иногда напоминает ханжество и фарисейство.

Ночное мерцание наряженной ёлки, которая оставалась у нас до Крещения, огонь цветных, кручёных свечей, поблескивания серебрянного «дождя», маленьких ангелков, снегурочек, птичек, китайских фанариков и разноцветных шаров... всё это и днём и ночью сохраняло в квартире волшебную атмосферу. Иногда, когда взрослые засыпали, мы с Петей ночью прибегали на цыпочках в столовую, забивались на кушетку, в подушки, и, затаив дыхание, наблюдали за ёлочной красотой в темноте. Ёлка жила какой-то особенной жизнью, совсем не похожей, конечно на ту, ещё голую и холодную, только что принесённую с мороза, прямо из леса, с остатками снега на стволе. Теперь она была частичкой нашей жизни, любовно украшенная, да ещё игрушками «семейными», она тоже становилась членом нашей семьи, не только делила радости, но и щедро дарила их. Отец каждый год подкупал несколько больших шаров или

разноцветные ёлочные бусы, а мы с Петей и няней вырезали и клеили бумажные гирлянды, флажки, «цепи», которые папа, взгромоздившись на стремянку, растягивал, приколачивал от стенки к стенке под потолком через всю квартиру. В ночной тиши вся эта елочная красота от какого-то невидимого движения воздуха медленно поворачивалась на своих тоненьких верёвочках, крутилась вокруг оси, светилась, искрилась и жила загадочной жизнью... Мы не очень верили в Деда Мороза, но почему-то верили, что подарки нам приносила именно ёлка, что они как грибы выросли именно под ней. Подарки всегда были интересные, и никогда их не было много, скорее даже, мало. Но! Почему-то так было устроено (конечно, по-волшебству!), что эти подарочки всегда были нам сюрпризом, который мы не ждали. Петя мечтал, например, о деревянной лошадке, но нет, ёлка ему дарила теннисную ракетку, и он который никогда и не думал играть в теннис, вдруг влюбился в него. Помню, как однажды, я получила на Рождество в подарок маленькую швейную машинку. Она была крохотной, но совершенной копией маминной «Зингеровской». Вы догадались. Именно так я начала обшивать своих кукол.

Очень грустно было наблюдать, как постепенно ёлка начинала осыпаться. Хотя её жизнь у нас была продлена почти на 20 дней из-за огромного ведра с водой, в котором она стояла вместе с крестовиной. Иногда, но это зависело от породы ели, она выдерживала и даже давала новые зелёные побеги вплоть до февраля. Уж не говоря о том, что родители всегда праздновали Старый Новый Год, который приходится на середину Святков и ёлка наша оставалась вполне свежей. Это праздничное настроение, шутки, посещения оперы, балетов, детских спектаклей, оставалось у всех вплоть до Крещения.

Разбирать ёлку для нас, детей, было всегда грустно, Петя плакал, а потому мама и няня так устраивали, что в наше отсутствие, пока мы были в школе или на прогулке, быстренько снимали все игрушки, заворачивали их в тонкую папиросную бумагу, шары обволакивали ватой и складывали до следующего года в коробки, которые хранились на антресолях. Когда мы возвращались домой, всё было убрано, иголки с паркета и ковров подметены, гирлянды сняты, и сама ёлка исчезала как в сказке, будто уносилась кем-то неведомым до следующего праздника. Прошло много десятилетий, жизнь наша стала другой, а в Советские годы были времена, когда нам нельзя было праздновать Рождество и даже запрещено было украшать ёлку вифлиемской звездой. Нам оставили только Новый год, но и то он был другим, не таким радостным и частенько голодным. Но так счастливо распорядилась моя судьба, что живы ещё «из той жизни» несколько друзей, которые вспоминают наши праздники и непередаваемое состояние Рождественского счастья, переходящее почти в волшебство, привитое нам с детства родителями. Оно осталось со мной на всю жизнь.

Семья

*Дитя, не смею над тобой
Произносить благословенья.
Ты взором, мирною душой,
Небесный ангел утешенья.*
А. С. Пушкин. «Младенцу»

«Острую жалость вызывает умирание и охлаждение человеческих надежд и человеческих чувств. Острую жалость вызывает всякое расставание. Острую жалость вызывают многие воспоминания о прошлом, о безвозвратном, и сознание своей неправоты, причинение страданий другим людям, особенно близким. Жгучую, пронизывающую жалость испытывал я часто, когда смотрел в глаза животных: есть выражение глаз страдающих животных, которое нельзя вынести. Вся скорбь мира входит в вас. Я часто, очень часто чувствовал людей, как угрожаемых смертью, как умирающих, и представлял себе молодых и радостных, как больных, постаревших, потерявших надежды.» Именно этими словами Николая Бердяева из «Самопознания» я и хочу продолжить свой рассказ.

Вот уже более тридцати лет, как я живу в Париже и приезжаю в свой любимый Питер все реже, семья и работа связывают нас и диктуют свои законы, но каждый раз, когда я бываю в городе своего детства и юности, я прихожу к дому номер 4 на Гороховой улице. На его сером фасаде висит большая мемориальная доска, на которой золотом выписано: здесь «...жил знаменитый оперный певец Иван Васильевич Ершов». Рядом – другие мемориальные доски, громкие имена, прославленные люди, – в разное время все они проживали в этом доме.

Я родилась в квартире, расположенной на предпоследнем, пятом, этаже. Она занимала пространство всего периметра дома. Дед хотел видеть небо и простор, но, к сожалению, вид из окна был не на Александрийский шпиль, а во двор-колодец, довольно мрачный. Вся анфилада комнат соединялась огромным коридором, по которому я совершила первые шаги, а чуть позже каталась на деревянном желтом велосипеде, пряталась в шкафы и чуланчики. У меня с детства сохранилось ощущение таинственности нашей огромной и во многом «сказоч-

ной» квартиры. Все комнаты и коридор были увешаны сценическими фотографиями деда и бабушки, полотнами самого деда, рисунками и картинами Кустодиева и Репина, с дарственными надписями, эскизами костюмов Бенуа к вагнеровским циклам. В нашей квартире было два рояля и с детства завораживающий меня инструмент фисгармония, нотные шкафы до потолка, книжные полки, – и всегда много, много живых цветов. Это букеты от поклонников. Здесь же на кушетках и креслах валялись шкуры, мечи и щиты Зигфрида, гусли Садко, многочисленные гримерные ящики и масса зеркал самых разных форм и размеров. Атмосфера была пропитана творческими деяниями деда и бабушки, воздух вдохновения десятилетия питал не только меня, моих родителей, но и многих друзей, соратников, учеников. Этот огонь служения искусству сохранялся долго, вплоть до смерти бабушки в 1972 году.

Моя бабушка, Софья Владимировна Акимова-Ершова, была партнером деда по сцене, его концертмейстером и профессором по классу вокала в Ленинградской консерватории. Их романтическая встреча в Лейпциге и любовь, сложные, вулканические отношения сравнялись и упокоились в одной могиле в Александро-Невской лавре.

Бабушка была второй женой деда, а он её вторым мужем. Разница в возрасте – почти тридцать лет. Он – «выходец из народа», она – дворянка. Бабушка вышла замуж за Ершова против воли своих родителей, а перед этим пережила бурный, почти драматический развод с первым супругом – Александром Сергеевичем Андреевским. По профессии он был юрист, но его настоящей страстью была музыка и опера. Именно он, увлеченный Вагнером, впервые рассказал ей о замечательном «русском вагнерианце» Иване Васильевиче Ершове. Как считал Андреевский, Ершов не имел себе равных по исполнительскому мастерству, даже в Германии.

Итак... бабушка Софья Владимировна Акимова (Ершова), будущая жена Ивана Васильевича Ершова и мать Игоря (моего отца), родилась в 1887 году на Кавказе в городе Тифлисе. На своей левой руке, на безымянном пальце, я ношу фамильное кольцо с вензелем из трех букв «С. В. А.» (имя, отчество, фамилия бабушки) – это то малое, что сохранилось у меня от семьи, от той её части, которая жила в «старой» дореволюционной России.

Всю жизнь я обращалась к бабушке только на «Вы», так уж в нашей семье было заведено. Сегодня это кажется старомодным и даже смешным, но это «Вы» не привело нас к отчуждению, а даже наоборот, постепенно ввело меня в пространство отношений возвышенных, некоего «бельканто», стояния «на пуантах», – всего того, что воспитывает в человеке уважение к личности. Теперь такие бабушки редкость. Может быть кое-кого такая бабушка могла бы и напугать; особенно её глаза, всегда внимательные, строго смотрящие, жизнь по расписанию, требовательность и ответственность не только к другим, но прежде к самой себе. Да, она не была «классической» бабушкой, в коляске меня не катала, кашу не варила и сказки не читала. Зато с детства водила меня в Мариинку и в Малый на балет и оперу; рассказывала о детстве в Тифлисе, о своей матери (верующей и строгой женщине), о годах, проведенных в Германии, о Париже и Женеве, о том, как Иван Ершов построил дом и деревянный театр на реке Мста в деревне Воронья гора Новгородской области, где хотел ставить камерные спектакли и привозить артистов из Питера (театр вскоре после революции сожгли местные жители); бабушка учила меня играть на рояле и, как ни странно, петь. Не вышло из меня ни пианистки, ни певицы, но музыка вошла в мою жизнь навсегда. Бабушка вплоть до самой смерти (а ей было 86 лет) каждый день садилась к инструменту. К ней по-прежнему приходили ученики, она сохранила сильный голос, и её драматическое сопрано поражало своим диапазоном, никак не вяжущимся с грузной седовласой женщиной преклонных лет и орлиным профилем. Разговоры мои с ней, вплоть до её кончины, были увлекательными, она всегда живо интересовалась «чем я дышу, с кем дружу и в кого влюблена». Она была на редкость благородным, не безразличным и, как ни странно, влюбчивым человеком (особенно это касалось её учеников. Свою строгость она унаследовала от матери, а влюбчивость и застенчивость – от отца. Думается, для неё слова «родственник», «сын», «внук» не сводились к кровным связям, она часто повторяла

(даже своему сыну Игорю), что «её духовные дети – ученики». Дед и бабушка жили еще в той жизни, когда слова «служение искусству» звучали возвышенно и правдиво, они действительно «служили», не во имя славы. Хотя слава была им знакома. Но под её гнетом они не только не сломались, но и не заигрались в неприступных «знаменитостей».

Бабушка происходила из дворянской, патриархальной семьи Акимовых. Считалось, эта фамилия произошла от армянской фамилии Экимян (или Хекимян). Её деды, со стороны отца – Николай Захарьевич Акимов, а со стороны матери – Антон Соломонович Корганов, хорошо говорили на грузинском языке и прекрасно владели русским. Я, благодаря моим предкам, соединила в себе много кровей: одна бабушка – армянка, другая – нанайка, их дополняют донские казаки, украинцы... – и все эти «четвертинки» меня радуют, эта «гремучая смесь» дает мне ощущение равенства со всеми частями света.

Гувернантки и гувернеры трех сестер Акимовых (Нины, Сони и Ирины) были француженки и немцы, учителя музыки и танца выписывались из Москвы. Моя бабушка всегда сокрушалась, что плохо знает английский и уже в 75 лет решила наверстать упущенное, засела за тетради и учебники и меня подключила! Семья Коргановых была богата, владела большими нефтяными месторождениями. Армянский геноцид 1915 года, а потом и революция, разорили их, но до меня доходили слухи, что до сих пор в Тбилиси сохранилась улица Коргановых... Не знаю, правда ли это?

Я с детства любила слушать рассказы бабушки. Она живо и образно описывала свою юность, встречи с людьми, сыгравшими в её профессиональной жизни ключевую роль. Она многое видела и запечатлела в своей памяти эти встречи с пианистами Артуром Шнабелем, Раулем Пюньо, скрипачами Пабло Сарасате, Яном Кубеликом, Фрицем Крейслером, виолончелистом Пабло Казалесом. Она стала ученицей Марии Александровны Славиной и позже выступала в оперных спектаклях с выдающимися русскими и зарубежными дирижерами: Эдуардом Направником, Сергеем Кусевицким, Альбертом Коутсом. Её партнерами по сцене стали Леонид Собинов, Павел Андреев, Иван Ершов и многие другие.

После двухлетнего обучения вокалу в Петербурге бабушка едет со своим первым мужем в Германию. Два года, 1911–1912, она проводит в настойчивом изучении Вагнера и его репертуара. Близкое знакомство с музыкальным критиком В. Коломийцевым и дирижером С. Кусевицким привело к тому, что её приглашают принять участие в сезоне концертов, посвященных 100-летию Вагнера, в Петербурге. Она не нашла в себе сил отказаться от столь лестного предложения, хотя «волновалась и умирала от страха». И вот 6 февраля 1913 года её фамилия появляется на афише рядом со знаменитым исполнителем Вагнера – Иваном Ершовым. Дебют был настолько блестящим, что Софье Акимовой-Андреевской предлагают подписать контракт и быть зачисленной в труппу Мариинского театра уже с октября месяца 1913 года. С этого момента начинается её карьера оперной певицы и партнерши Ивана Ершова по сцене, во всем многообразии вагнеровских героинь (Зиглинда в «Валькирии», Гутруна в «Гибели богов», Елизавета из «Тангейзера» и Эльза из «Лоэнгрина»).

А поздней осенью 1914 года она расстается со своим первым мужем и переезжает на новую квартиру. В ту пору все её чувства и мысли были обращены только к одному человеку. 7 ноября 1916 года у Софьи Акимовой и Ивана Ершова рождается сын, которому дают имя Игорь.

Всегда собранная, одухотворенная, она умела подняться над «суетой сует», над всем будничным и мелким, в ее судьбе были взлеты и падения. Век девятнадцатый, в котором родилась бабушка, и век двадцатый расколосил не только Россию, но и семью Акимовых. Они покинули Тифлис в 1915 году, оказались в Германии, потом революция и опять разлуки, которые разбросали семью. Нина (старшая сестра бабушки), Софья (средняя) и младшая Ирина, вместе с матерью Марией Антоновной уехали в 1915 году в Европу. Их отец, Владимир Николаевич Акимов, остался в Тифлисе. События 1917 года, потрясшие Российскую империю, разде-

лили семью навсегда. Мать бабушки и две ее сестры решили остаться в Швейцарии, Софья вернулась к Ивану Васильевичу Ершову в Петроград. «Скоро всё закончится, мы опять увидимся, я так хочу обнять маленького Игоря. Твои сестры хорошо учатся, и мы скоро вернемся домой...» – так писала моя прабабушка. Им суждено будет встретиться еще один раз, примерно в 1922-24 году, когда Софье с сыном будет разрешено посетить с гостевым визитом Женеву. И по тем временам казалось, что разлука – навсегда.

Вот уж действительно, никогда не говори «никогда»! В 1964 году моя бабушка Софья Владимировна впервые, после сорокалетнего перерыва, увидела свою младшую сестру Ирину. Та приехала с приятельницей в Ленинград как турист, на три дня. В моей памяти отпечаталась маленькая, прямо держащаяся, как бы «засушенная», с голубыми волосами швейцарка. Ни русского, ни армянского в ней ничего не осталось, она была эталоном швейцарского благополучия, и на меня пахло «гербарием» веков. Мы встретили её в нашей квартире, с анфиладой комнат, на улице Гороховой. Бывшая квартира Ершова-Акимовой превратилась постепенно в огромную коммуналку. Из каждой комнаты высунулись любопытные носы, дабы посмотреть на «голубоволосую» швейцарскую старушку. Она и мне была в удивление. Почему-то я запомнила, что бабушка решила принять сестру достойно и шикарно. Как только открылась входная дверь, мне было приказано поставить на проигрыватель пластинку в исполнении деда, так что тетя Ирина вступила под звуки Вагнера и голос Ершова. Бабушка занимала в «нашей квартире» три комнаты, а на большой кухне стояло семь деревянных столиков с аккуратными маленькими навесными замками на каждом ящичке, три газовых плиты и соответствующие неаппетитные запахи из помойных ведер. Голубая старушка шла по коридору под звуки Вагнера и по-русски, с довольно сильным акцентом, выговаривала: «Слушай, Софи, как ты можешь жить в этой стране! Воды горячей в гостинице нет, я не могу принять ванну. Краны не отвинчиваются, уборная забита газетой, а туалетной бумаги нет, еда жирная, салатов не подают...», – и так далее... Потом тетя Ирина перешла на французский, продолжая жаловаться с прежним азартом на «сервис» гостиницы «Октябрьская». Любопытные носы соседей быстро скрылись, заслышав чужую речь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.